Е. М. Муминова

ПОЧТОВАЯ СЛУЖБА РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

Работа представлена кафедрой отечественной истории нового и новейшего времени Воронежского государственного педагогического университета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Н .Фурсов

В статье рассматривается процесс формирования и функционирования русской почтовой службы в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автору удалось выявить, что в целом, несмотря на имевшиеся недостатки, почтовая служба справилась со своими обязанностями. Исторический опыт деятельности военно-полевой почты в период русско-турецкой войны показал, что ее нормальное функционирование возможно было при наличии четкой системы и слаженности всех ее составляющих.

Ключевые слова: почта в российской армии конца XIX в.; почтовый департамент в русско-турецкую войну; почтовая служба в российской армии; почтовые конторы в русско-турецкую войну; почтовая служба в русско-турецкую войну.

The paper is devoted to the process of forming and functioning of the Russian postal service during the Russian-Turkish War of 1877–1878. The author reveals that, in spite of drawbacks, the postal service coped with its responsibilities. The historical experience of activity of the field post office during the Russian-Turkish War has shown that its normal functioning is possible in the presence of a clear system and coherence of its components.

Key words: post in the Russian army of the late 19th century, post department in the Russian-Turkish War, postal service in the Russian army, post offices in the Russian-Turkish War, postal service in the Russian-Turkish War.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была одним из наиболее значительных событий второй половины XIX в. Она оказала большое влияние на судьбы народов Балканского полуострова, на внешнюю политику великих держав. Война началась в условиях мощного подъема национально-освободительной борьбы против Османской империи и небывалого в истории России общественного движения в его поддержку. Именно последнее обусловило зарождение российской военной корреспонденции, а следовательно, и организацию средств связи армии с Россией.

При подготовке к войне против Османской империи встал вопрос об организации средств связи армии как внутри, между частями, так и собственно с Россией. 16 октября 1876 г. вышло Положение о полевом управлении войск в военное время, в котором говорилось и об организации отдела почт и телеграфов. 5 ноября того же года был издан приказ по военному ведомству № 326, при котором были объявлены «Правила

об управлении почтовой частью при армии» [13, с. 988].

Правила были составлены поспешно и недостаточно согласовывались с Положением о полевом управлении войск. В результате появились два почтовых органа, независимых друг от друга: Отдел почт и телеграфов, начальником которого был назначен инженер генерал-майор Н. К. Шталь, и Полевое почтовое управление, начальник – помощник московского почт-директора В. И. Романус [5, с. 620]. Первый занимался только устройством и содержанием почтовых станций, чем изначально были заложены основы противостояния и децентрализации в службе связи на будущем театре войны. К тому же в обязанности этих отделов входило устройство и поддержка почтовых и телеграфных станций только на военных дорогах [2, с. 456].

Отделы были независимы один от другого. Н. К. Шталь непосредственно подчинялся начальнику военных сообщений генерал-лейтенанту Каталею, а В. И. Романус – начальнику Полевого штаба генерал-адъютанту А. А. Непокойчицкому.

По Положению об управлении армией В. И. Романус должен был во всех случаях сноситься с Н. К. Шталем, а по почтовым правилам – с начальником военных сообщений. Как отмечает в своих воспоминаниях В. Д. Кренке, это ничтожное, казалось бы, разногласие часто впоследствии бывало помехой [5, с. 621].

В штаты полевого управления Действующей армии было включено только одно почтовое управление, в котором числилось всего 16 почтовых чинов. Почтовый департамент при формировании Действующей армии назначил в армию сверх чинов почтового управления еще четырех человек, т. е. даже меньше, чем полагалось почтовых чинов в губернской почтовой конторе. Как показала война, этого количества людей было явно недостаточно. Формирование других почтовых учреждений – полевой почтовой конторы, почтовых отделений при корпусах и отрядах, местных почтовых отделений – было возложено на начальника полевой почты под руководством и при содействии почтового департамента.

12 апреля 1877 г. российская армия перешла границу с Румынией. В тот же день было приказано открыть деятельность полевой почтовой конторы, почтовых отделений при корпусах и учредить шесть местных почтовых отделений. К 26 апреля все эти отделения были открыты в составе двух-трех чиновников и одного-двух почтальонов [5, с. 620]. Полевые почты открыты в Яссах, Бырлате, Фокшанах, Галаце, Измаиле и Леове [6, с. 87]. Первоначально в их ведение входили прием и выдача только простой (казенной и частной) корреспонденции. За ее получением войска должны были присылать приемщиков, снабженных удостоверением установленной формы.

Количество почтовых чинов увеличивалось очень медленно, хотя В. И. Романус просил А. А. Непокойчицкого дополнить недостающее число полевых почтальонов строевыми нижними чинами, а полевых чиновников – строевыми офицерами. Однако тот отказал, ссылаясь на правила о полевой почте. Поэтому рост численного состава полевого почтового управления происходил за счет пребывавших из России почтовых чинов. Ко второй половине июня при армии их было 87. Также было открыто еще три местных отделения. Всего к 1 января 1878 г. в полевой почте состояло 236 почтовых чинов и действовало 19 почтовых отделений [1, л. 253].

Подготовка полевой почты к исполнению своих обязанностей началась лишь в начале войны. До этого все запросы к А. А. Непокойчицкому наталкивались на ответы типа: «Вы предрешаете события» или «Ваша мысль мне нравится, я подумаю о ней» [1, л. 291]. Поэтому полевое

почтовое управление столкнулось с двумя главными трудностями – сортировкой корреспонденции и ее доставкой.

Сортировка корреспонденции, шедшей из армии в Россию, не представляла особого затруднения, что нельзя сказать о корреспонденции, прибывавшей из России. Этому была масса причин. Почтовые чины были плохо ознакомлены с названиями частей и с организацией армии. Военнослужащие также не сразу освоились с номерами вновь сформированных корпусов и дивизий. Почтовые чиновники должны были знать не только номер полка, но и его название, так как из России на конвертах обычно не приписывали номер полка, а писали одно название. В солдатских письмах, на конвертах, приписывали: «в такую-то роту», а название полка, без номера, или не писали, или писали, не выделяя. На конвертах, адресованных в артиллерийские парки, госпитали и т. п., писали не номера, а фантастические названия по той местности, откуда они ушли в армию.

Пребывающая корреспонденция сортировалась два раза. Сначала сортировали конверты, адресованные в Главную квартиру, в штабы корпусов, дивизий, разные управления и на имя лиц, известных в армии, а затем производили подробную сортировку в соответствии с расписанием армии (с обозначением всех полков и отдельных частей), причем нередко письма не находили себе места в этом расписании, и никто не мог определить, куда их направить. Такие конверты скапливались сотнями и даже тысячами.

Таким образом, российская армия, вступив в Румынию, более месяца не получала известий из России. И винить в этом нужно было не столько нижних чинов почтовой службы, сколько саму ее организацию, начиная с самого верха, а также нравы, господствовавшие в высшем военном руководстве Действующей армии.

С продвижением войск возникли затруднения в направлении к ним почтовой корреспонденции. Согласно ст. 40 правил об управлении почтовой частью при армии, все российские почтовые учреждения, находящиеся на восток от Санкт-Петербурга, Москвы и Киева, всю простую и бандерольную корреспонденцию должны были направлять в Петербург, Москву или Киев – куда ближе. Оттуда она шла в полевую почтовую контору. Заказная же, денежная или посылочная корреспонденция направлялась в пограничную почтовую контору. Со всех почтовых учреждений, лежавших к западу от Санкт-Петербурга, Москвы и Киева, вся корреспонденция направлялась в пограничную почтовую контору.

Приказом по войскам Действующей армии от 14 мая 1877 г. № 106 пограничной конторой была сделана маленькая Унгенская почтовая контора в составе девяти чинов [1, л. 277]. Они должны были сортировать корреспонденцию, направляемую в армию, и отправлять ее в полевую контору, которая разместилась в начале мая в румынском городе Плоешти. При этом предполагалось, что вся корреспонденция из империи пересылалась в Унгенскую контору «для доставления в Действующую армию, с точным при том обозначением части войск или войскового управления, к составу коих принадлежит лицо, которому корреспонденция адресована» [1, л. 277].

Естественно, девяти человек было недостаточно для обработки того потока корреспонденции, который через нее проходил. Это отмечали в своих воспоминаниях и дневниках и участники войны, имевшие к почтовой службе непосредственное отношение. Так, М. А. Газенкампф отмечал, что «смехотворно малочисленный состав полевых почтовых контор совершенно не в состоянии справиться с горами накопляющейся корреспонденции» [4, с. 42]. А официальный корреспондент

В. В. Крестовский писал: «Главная причина этого зла заключалась в недостаточности наличного состава служащих по полевому почтовому управлению, о чем неоднократно заявлял главный полевой почмейстер г. Романус. Служащие не успевали управиться с одной только сортировкою писем, не говоря уж об отправлении прочих обязанностей, и потому (как ходили в армии настойчивые слухи) в июле месяца 1877 г. в Унгенской почтовой конторе пришлось сжечь около 20 000 простых писем, адресованных из армии в Россию и из России в армию, за окончательной невозможностью рассортировать их своевременно» [6, с. 88].

30 июня полевая почтовая контора была переведена в Тырново, где размещена была под открытым небом, в палатках, а затем в здании фабрики, представлявшей собой нечто вроде усадьбы и называвшейся среди почтовиков «Марьино». Но качество ее работы от этого не улучшилось. «В Тырнове, – писал В. И. Немирович-Данченко, – ...почтовая контора устроена вне города, в четырех верстах от него! Почему ее поместили в деревне Марьино Поле, а не в центре – об этом и Аллаху не ведомо. Почты отправляются когда господь на душу положит чиновникам, получаются тоже через пень-колоду. Письма валяются и на столах, и под столами, и на кроватях, и под кроватями. Их швыряют ногами, роются в них, неосторожно рвут, точно это груда ни к чему не нужного мусора» [8, с. 98].

Позже контора была перемещена в Горный Студень. Здесь ее разместили «под скотским навесом», где она находилась до зимы [1, л. 298]. Еще летом 1877 г. Корреспондент «Нового времени» В. И. Немирович-Данченко дал исчерпывающую характеристику работы военно-полевой почты. «Кстати, – писал он, – о наших почтовых учреждениях. Они чем дальше, тем хуже. Наконец дошло до нелепости. Почтовая контора в столице Румынии – Бухаресте – находится вне города! Чтобы до нее добраться, нужно истратить рубль. Почтовая контора из Журжева переведена во Фратешти, где поезд останавливается на пять минут. При этом сама контора – в полутора верстах расстояния от железнодорожной станции <...> Почтовый персонал везде до того малочисленен, что разобраться с письмами не представляется физической возможности <...> Многие письма не доходят, другие из Петербурга в Журжево странствуют 18 дней. Часто на промежуточных станциях тюки писем покоятся целыми неделями, я уже не говорю о газетах <...> У Журжева, в штабе у Великого князя Алексея Александровича, последние газеты от 8 июля, а теперь 30-е!.. Тем не менее почтовых чиновников нельзя упрекнуть в том, что они не работают. Бедняги с утра до ночи, да и ночью за делом, копотни изумительно много, но зато никакой распорядительности и организации. Все делается сослепу» [8, с. 136].

Помимо внутренних неурядиц, мешавших нормальной работе почты (болезни, недостача личного состава и пр.), были и внешние, связанные с перевозкой корреспонденции. Особенно ухудшилось положение осенью 1877 г., когда дождями были размыты все дороги. Это вызывало задержки в рассылке корреспонденции по месту назначения, а также в армии нарекания по поводу работы почты [3, с. 213].

Осенью, с наступлением холодов, условия работы почтовой конторы ухудшились, так как она находилась на открытом воздухе, под навесом, а следовательно, люди мерзли, болели, но работы не прекращали. «Здесь дожди, – писал корреспондент В. И. Немирович-Данченко из Систова. – Дороги испорчены до невозможности, что в значительной степени затрудняет подвоз провианта и транспорт военных запасов. Уже на пути от понтонного моста у Систова постоянно ломаются экипажи и телеги <...> Работать здесь не стоит, потому что нет никаких способов

переслать написанное» [11, л. 11]. 20 октября квартира Главнокомандующего была перенесена ближе к Плевне. Одновременно полевое почтовое управление и полевая контора были переведены в Систово, где были размещены в заброшенном доме, условия в котором были лучшими, чем в Тырново. В этом доме контора пробыла четыре зимних месяца.

Зимой 1877–1878 гг. резко увеличился приток посылок (вес одной посылки был ограничен одним пудом) из России. С ними были те же проблемы, что и с другой корреспонденцией из империи в Действующую армию. Поэтому посылки доходили медленно или вообще не доходили до адресатов. Так, В. В. Крестовский указывает, что «масса посылок, отправленных из России летом и осенью 1877 г., лежали на площадке перед полевой почтой в Сан-Стефано до самого очищения этого местечка от штаба армии. Кроме того, в течение всей войны многие части не только корпусов, дивизий и артиллерийских бригад, но даже полков были разбросаны по разным отрядам, на разных фронтах <...> Эта разбросанность значительно препятствовала множеству необходимейших сношений даже непосредственных начальников со своими частями, которые нередко не знали, где находится непосредственное начальство, ровно как последнее не знало, где находится его части». «Что же мудреного, – подводит итог В. В. Крестовский, – если при таких порядках полевая почта, еще менее знавшая о месте нахождения воинских частей, не могла доставлять им корреспонденцию, которая ворохами залеживалась в полевой почтовой конторе, а потом, при постоянных передвижениях штаба и при отсутствии почтовых средств перевозки, по необходимости уничтожалась» [6, с. 88].

Все это, естественно, вызывало нарекания на военно-полевую почту в целом в армии. «Неисцелимы недуги российской почты в Болгарии, – писал В. И. Немирович-Данченко в своем дневнике еще в конце августа. – Корреспонденты из Габрова, Тырнова и из-под Плевны рассказывали мне, что им приходится посылать нарочных с письмами своими в Зимницу для сдачи их румынам и для избежания наших идеальных учреждений этого рода. Теперь прелести военно-полевой почты я испытал на самом себе. Дело в том, что при пересмотре номеров «Нового времени» за последнее время, многие из моих писем оказались недошедшими. Прибавьте к удобствам подобного рода помещение почт вне городов – и вы поймете, в каком положении здесь мы находимся» [11, л. 15 об.].

Отправка и получение почты зависели не только от военно-полевой почты. Например, в некоторых корпусах и отрядах для этого выделяли своих лошадей и людей, что ускоряло и облегчало доставку. Так, например, практиковалось в 12-м армейском корпусе. В. И. Немирович-Данченко, находившийся при корпусе в качестве корреспондента, в октябре 1877 г., когда корпус располагался в Яли-Абланово, писал: «Почта в Абланове получается скорее, чем в других пунктах Болгарии. Из деревни, вместо того, чтобы отправлять ее в Тырново, как делали прежде, или в Горный Студень, как это все делают теперь, письма отсылаются прямо в Систово и Зимницу. Для этого дают казенных корпусных лошадей: отошлют почту, переменив лошадей в Зимнице, везут почту в Абланово, а тут уже готова возвратная» [12, л. 3].

Корреспонденция из полевой конторы в части армии перевозилась преимущественно по румынской железной дороге и румынской почтовой службой – по грунтовым дорогам. Весной проблемы перевозки были связаны прежде всего с погодными условиями и людским фактором. «Апрель месяц, – писал Н. В. Максимов, – был дождливый, а предшествовавшая зима была снежная, так что все

малейшие ручейки разливались в речки и поминутно размывали полотно железной дороги. Главная квартира переехала в Плоешти, и с этих пор по румынской железной дороге установилось многолюдное сообщение, которое часто прерывалось вследствие порчи дорог. Само-собой разумеется, что подобные перерывы весьма неблагополучно отзывались на движении частей армии и военных транспортов; хотя временные порчи полотна казались весьма понятными, если принять во внимание, с одной стороны, недобросовестность постройки... а с другой стороны, – обилие горных вод, но все-таки казалось, что тут есть что-то подозрительное» [7, с. 168]. В последней фразе имелось в виду, что директора железных дорог подкуплены турками. Слухи об этом ходили в армии и были небезосновательны.

Летом дороги были в хорошем состоянии, и особых проблем с перевозкой не возникало. Единственным неудобством были невыгодные условия конвенции с Румынией, поскольку ежедневные «сумочки» и «постпакетики» со временем превратились в десятки пудов ежедневно приходивших из армии в Россию и обратно. При этом ежедневно плата за них после июня уже превышала 2500 руб. [5, с. 638]. В. И. Романус обращался по этому поводу и к А. А. Непокойчицкому, и к начальнику военных путей сообщения Каталею, но меры так и не были приняты. Не помогла даже замена его в конце лета на генерала Дрентельна. «Несмотря на общие ожидания со времени назначения генерала Дрентельна на место Каталея – движение войск, почтовая часть и операции железнодорожные в Румынии – не подвинулись», – замечал В. И. Немирович-Данченко [8, с. 139].

По конвенции румыны должны были возить российскую почту по железной дороге от Унген до Бухареста или Фратешты, оттуда по грунтовому тракту до Зимницы и там сдавать в российское почтовое отделение. Корреспонденция из армии направлялась в российское зимницкое почтовое отделение, которое передавало ее в зимницкое румынское почтовое бюро, а то, в свою очередь, отправляло корреспонденцию в Бухарест и далее.

Летом случались задержки на румынской железной дороге. С наступлением же осенних дождей, когда дороги были размыты, почта не приходила по два-три дня, что затрудняло деятельность полевой почтовой конторы.

Как говорилось выше, в конце октября – ноябре 1877 г. шоссейные и грунтовые дороги в Болгарии и Румынии приходили в негодность из-за дождей. Так, В. И. Немирович-Данченко отмечал в своем дневнике (запись от 28 сентября): «Вторую неделю день и ночь – проливной дождь. Ручьи пухнут и обращаются в потоки, овраги заполнены водой и грязью, дороги размыло до того, что даже эвакуация раненых из Горного Студеня приостановилась. Кругом все утонуло в грязи» [8, с. 144].

Незадолго до падения Плевны руководителем Русского гражданского управления в Болгарии князем В. А. Черкасским был создан третий отдел почты – болгарская. Необходимо отметить, что Русское гражданское управление было создано еще перед войной для изучения Болгарии и ее дальнейшего обустройства. После вступления российских войск в Болгарию оно переехало на освобожденную территорию и занялось обустройством гражданского управления [9, с. 32].

С самого начала устройство гражданской почтово-телеграфной службы натолкнулось на препятствие. В. А. Черкасский хотел прибегнуть к помощи военных властей для этой цели. Согласно Положению о полевом управлении войск (ст. 358), на обязанности военного отдела почт и телеграфов лежало устройство станций лишь на военных дорогах, а Гражданскому управлению важно было связать почтовым сообщением крупные местные го-

рода между собой и с Главной квартирой, при которой находился заведующий гражданскими делами. В. А. Черкасский предполагал сотрудничество военных и гражданских почт, с тем чтобы они либо слились воедино, либо существовали раздельно, но «взаимно восполняли друг друга» [2, с. 457]. Он начал переговоры по этому вопросу с полевым штабом, однако они ни к чему не привели из-за неуступчивости руководителей военных отделов.

После этого князь отказался от сотрудничества с военными в осуществлении задуманного. Он решил устроить почтовое сообщение между Дунаем и Тырново, и вообще, с Главной квартирой, где бы она ни находилась, самостоятельно, силами Гражданского управления. По этим путям сообщения должна была перевозиться частная и казенная корреспонденция, следовавшая из России в Главную квартиру, а также в попутно лежавшие места, и обратно. Таким образом, с военных почт были сняты заботы об устройстве главного тракта, а круг их деятельности был ограничен сообщениями Главной квартиры с армейскими корпусами и отрядами.

Первоначально в основу почтового дела князь В. А. Черкасский положил насущные потребности армии. Но при этом он предоставлял возможность и всему населению освобожденных территорий пользоваться услугами его почты. Гражданская почта устраивалась по образцу российских почт, что устраняло излишнюю бумажную волокиту с составлением различных положений и инструкций.

По рекомендации М. Н. Анненкова, наведшего необходимые справки в почтовом департаменте, для устройства почт в Болгарию были выписаны из России управляющие почтовой частью в губерниях: Смоленской – Трубачеев и Ковенской – Радченко. Оба они явились в Горный Студень, где находилось Гражданское управление, 30 августа. Первый из них был назначен исполняющим делами управляющего почтового учреждениями Болгарского края, а второй – состоять по гражданской канцелярии для разработки вопросов по почтовому управлению [10, с. 116].

Своеобразно была решена и задача обеспечения почтовой гоньбы. Решено было пригласить немецких колонистов из окрестностей Одессы и Кишинева. За содействием в их наборе князь обратился к графу В. В. Левашову, одесскому градоначальнику. При его посредничестве 23 сентября 1877 г. был заключен контракт с тремя поселянами-собственниками села Александрогильф Одесского уезда сроком на шесть месяцев.

Колонисты доставили к началу ноября 1877 г. в Зимницу, где находилось Гражданское управление, 320 лошадей с повозками и необходимым имуществом. Было открыто 14 почтовых станций (позже их количество увеличилось до 21) с необходимыми помещениями. Почтовая гоньба была открыта 10 ноября и велась на следующих трактах:

- Систово – Рущук – Тырново;
- Систово – Плевна;
- Плевна – Габрово – Шипка;
- Шипка – Ени-Загра;
- Ени-Загра – Бургас [10, с. 117].

Таким образом, имея в Зимнице сообщение с Румынией, гражданские почты разместились по всему занятому краю и соединяли обе главные квартиры со всеми корпусами и отрядами войск.

Одновременно с переговорами о найме в Одессе почтовых лошадей в гражданской канцелярии начались работы по организации почтового дела. Управление почтовой частью гражданского ведомства было организовано следующим образом: почтовое управление в Систове и Тырнове; почтовое отделение в Габрове. Из Санкт-Петербурга были выписаны, кроме различных книг, 15 тысяч конвертов, 6 тысяч бланков для открытых писем и 34 тысячи почтовых марок. Они предназначались для нужд обывателей, так как чины армии имели право посылать корреспонденцию бесплатно.

Местному населению была впервые предоставлена возможность пользоваться правильной почтой. Из империи были выписаны почтовые чиновники до станционных смотрителей, приемщиков и сортировщиков включительно, составлены были и необходимые инструкции. Эта почта действовала до апреля 1878 г., существенно улучшив почтовое обеспечение русской армии.

В целом, несмотря на имевшиеся недостатки, почтовая служба справилась со своими обязанностями. Но исторический опыт деятельности военно-полевой почты в период русско-турецкой войны показал, что ее нормальное функционирование возможно было при определенных условиях и прежде всего при наличии четкой системы и слаженности всех ее составляющих. К сожалению, данное обстоятельство не было учтено в последующих военных кампаниях русской армии, что стало причиной многих негативных, а иногда и трагических последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1877. Оп. 1. Д. 34. Л. 253, 277, 291, 298.
2. *Анучин Д. Г.* Князь Черкасский и гражданское управление в Болгарии 1877–1878 гг. // Русская старина. 1896. № 3. С. 449–477.
3. *Апушкин В.* Война 1877–78 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7. С. 194–218.
4. *Газенкампф М.* Мой дневник 1877–78 гг. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1908. 593 с.
5. *Кренке В. Д.* Полевая почта во время войны 1877–1878 гг. // Вестник Европы. 1884. № 4. С. 619–657.
6. *Крестовский В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Письма в редакцию газеты «Правительственный вестник». СПб., 1879. Т. 1. 607 с.
7. *Максимов Н. В.* За Дунаем // Отечественные записки. 1878. № 5. С. 167–198.
8. *Немирович-Данченко В. И.* Год войны: Дневник русского корреспондента 1877–1878. СПб., 1878. Т. 1. 326 с.
9. *Никитин С. А.* Русское гражданское управление в Болгарии. (1877–1879 гг.) // Освобождението на България 1878–1968: Доклади на юбилейната научна сесия в София. София, 1970. С. 27–41.
10. *Овсяный Н. Р.* Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг. СПб., 1906. Т. 1. 250 с.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 355. Оп. 1. Д. 26. Л. 11, 15 об.
12. РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 141. Л. 3.
13. Сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба. СПб., 1876. 1117 с.